

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-1-1

УДК 94(47)

Плех Олеся Анатольевна

Кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт российской истории РАН
(Москва, Россия)
plekh@mail.ru

Plekh Olesya

Candidate of Historical Sciences, Researcher,
Institute of Russian History Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
plekh@mail.ru

Земская полиция в северных губерниях Российской империи в первой половине XIX в.: численность и состав*

The Zemstvo Police in the Northern Governorates of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century: The Size and Composition

Аннотация. В статье рассматривается численность и состав земских судов трех губерний Европейского Севера России (Архангельской, Вологодской и Олонецкой) в первой половине XIX в. При сопоставлении штатных расписаний и материалов по учету чиновничества автор предпринимает попытку определить наличные силы уездной полиции и приходит к заключению, что, хотя численность служащих за изучаемый период постепенно возрастала, даже к середине века она была недостаточной. На основании данных, полученных из групповых формулярных списков, проанализирован состав служащих земских судов по сословному происхождению, возрасту и уровню образования. Полученные показатели свидетельствуют, что в изучаемый период в северных губерниях, при общем дефиците квалифицированных

* Для цитирования: Плех О.А. Земская полиция в северных губерниях Российской империи в первой половине XIX в.: численность и состав // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2019. Т. 3. № 1. С. 15–52. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-1-1

For citation: Plekh, O. “The Zemstvo Police in the Northern Governorates of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century: The Size and Composition”. *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 1 (2019): 15–52, [http:// doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-1](http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-1)

© Плех О.А., 2019

© Plekh O., 2019

кадров, служебные перспективы полицейских чиновников во многом зависели от их сословного происхождения, опыта работы и личных качеств.

Ключевые слова: кадровый состав, земский суд, чиновничество, гражданская служба, Архангельская губерния, Вологодская губерния, Олонецкая губерния, Европейский Север России, первая половина XIX в.

Abstract. The article describes the size and the composition of the zemstvo courts of three governorates in the European North of Russia (Arkhangelsk, Vologda and Olonets) in the first half of the 19th century. Comparing the staffing charts and the accounting materials in relation to the officialdom bureaucracy, the author attempts to determine the available resources of the zemstvo police and concludes that, although the number of employees during the period under research was gradually increasing, even by the middle of the century it was still insufficient. Based on the data obtained from the grouped records of service, the composition of employees at the local zemstvo courts by class origin, age and level of education was analysed. The obtained figures show that during the period under research, in the northern Governorates, with a general shortage of qualified personnel, the career prospects of the police officials largely depended on their class origin, work experience and personal traits.

Keywords: staffing, zemstvo court, officialdom (noble bureaucrats), civil service, the Arkhangelsk Governorate, the Vologda Governorate, the Olonets Governorate, European North of Russia, first half of the 19th century

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект МК-1194.2018.6 «Кадровое обеспечение местных учреждений Европейского Севера России в первой половине XIX в.»).

The research is executed with financial support of a grant of the Russian President for young Russian scientists (the МК-1194.2018.6 project “Staffing of local institutions of the European North of Russia in the first half of the 19th century”)

Введение

На фоне 300-летнего юбилея российской полиции вопросы, связанные с формированием отечественной правоохранительной системы, привлекают особое внимание исследователей. Изучение становления и развития полицейской службы в Российской империи имеет давнюю историографическую традицию¹,

¹ В дореволюционной отечественной науке историки и правоведы активно обращались к проблемам правового регулирования деятельности органов внутренних дел и анализу опыта административно-полицейских реформ (см., например: *Анучин Е.* Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с «Учреждения о губерниях» 1775 г. до последнего времени. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1872; *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1883; *Тарасов И.Т.* Полиция в эпоху реформ. М.: Типография А.И. Мамонтова и К⁰, 1885). Советские ученые рассматривали деятельность полицейских структур в контексте общей политики самодержавного правительства, уделяя особое внимание функ-

и в последние десятилетия неоднократно предпринимались попытки обобщить накопленный опыт и результаты исследований². Между тем, выйти на новый уровень осмысления проблем функционирования органов внутренних дел в Российской империи невозможно без привлечения архивных материалов, позволяющих охарактеризовать состояние местной полиции в территориальных рамках отдельных регионов. Научные работы, базирующиеся на конкретно-исторической документальной основе, главным образом представлены диссертационными исследованиями, охватывающими период второй половины XIX – начала XX вв.³ В гораздо меньшей степени ретроспективному анализу подвер-

ционированию политической полиции и организации политического сыска (см., например: *Борисов А.В.* Полиция самодержавной России в первой четверти XIX в.: дис. ... канд. юрид. наук. Академия МВД СССР, 1982; *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М.: Мысль, 1981; *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М.: Мысль, 1978; *Оржиховский И.В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982; *Романов В.В.* Политическая полиция в Поволжье в 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова–Ленина, 1992). Зарубежные историки в основном стремились дать общую характеристику развития российской государственности и бюрократического аппарата XVIII–XIX вв., при этом проблемы функционирования полиции рассматривались на фоне общей эволюции государственных и политических институтов (см.: *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2012; *LeDonne J.P.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1991; *Lincoln W.B.* Nicholas I: Emperor and Autocrat of All the Russias. Bloomington; London: Indiana University Press, 1978; *Monas S.* The Third Section: Police and Society in Russia under Nicholas I. Cambridge, M.: Harvard University Press, 1961; *Orlovsky D.T.* The Limits of Reform. The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia 1801–1881. Cambridge, M.: Harvard University Press, 1981; *Raeff M.* Imperial Russia. 1682–1825. The Corning Age of Modern Russia. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1971; *Saunders D.* Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881. London; N.Y.: Longman, 1994; *Seton-Watson H.* The Russian Empire, 1801–1917. Oxford: Clarendon Press, 2004; *Starr S.F.* Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1972; *Yaney G.L.* The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1973).

² См., например: *Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С.* Три века российской полиции: служение обществу – защита Отечеству! М.: РИПОЛ классик, 2016; Министерство внутренних дел России: страницы истории (1802–2002 гг.) / под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет»: МВД России; Санкт-Петербургский университет, 2001; *Пиотровский В.* Полиция Российской Империи. М.; СПб.: АСТ; Астрель–СПб., 2005; Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995.

³ См., например: *Главинская С.Н.* Организация и деятельность полиции Черноземного центра России в 1901–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курский государственный университет, 2006. *Кокшаров Л.В.* Полицейские органы Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. Ивановский государственный университет, 1999; *Сысуев Ю.Б.* Полиция Симбирской губернии во второй половине

гаются особенности работы провинциальных полицейских учреждений XVIII – первой половины XIX вв.⁴, что обусловлено фрагментарностью источниковой базы. В центре внимания настоящей статьи – земская полиция трех губерний Европейского Севера России (Архангельской, Вологодской и Олонецкой), ее численность и состав в первой половине XIX в. В указанных географических и хронологических рамках эти вопросы еще не становились предметом научного анализа. Документальную основу исследования составляют материалы систематического учета чиновничества – групповые формулярные списки, сохранившиеся в фонде 1349 Российского государственного исторического архива (далее – РГИА).

Основная часть

В первой половине XIX в. административно-полицейское управление в уездах было возложено на земские суды. Этим учреждениям, появившимся в ходе губернской реформы 1775 г., поручался широкий круг обязанностей, среди которых значились не только собственно полицейские функции («бдение, дабы в уезде сохранены были благочиние, добронравие и порядок»⁵), но и судебные полномочия и хозяйственно-распорядительные дела. На практике это выражалось в том, что служащие земской полиции разбирали маловажные правонарушения, расследовали преступления, приводили в исполнение приговоры по уголовным делам и решения по гражданским спорам, занимались розыском и поимкой беглых крестьян, предпринимали меры к пресечению бродяжничества, взыскивали подати и недоимки, осуществляли контроль за исполнением дорожной повинности, обеспечивали передвижение и размещение рекрутских партий и воинских команд, наблюдали за торговыми операциями и состоянием цен на провиант и фураж, составляли, по запросам губернского начальства, разного рода справки, в том числе собирали статистические данные и т.п. Исполнение большей части перечисленных обязанностей было невозможно без выезда чиновников на место, что являлось довольно сложной задачей в ус-

XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Научно-исследовательский Гуманитарный институт при правительстве Республики Мордовия, 2002.

⁴ См., например: *Горлова Н.И.* Полиция российской провинции в XIX веке: На примере Курской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курский государственный университет, 2005; *Лазарева О.В.* Провинциальная полиция в конце XVIII – начале XX в. (по материалам Пензенской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2000.

⁵ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]: [в 45 т.] (далее – ПСЗ–1). СПб.: Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 20. № 14392. С. 251.

ловиях фактического бездорожья при обширных территориях уездов⁶. В особенности это было характерно для изучаемого региона, где более 95 % территории занимали леса и болота, а площади ряда уездов были сопоставимы с размерами многих губерний Центральной России. В первой половине XIX в. на Европейском Севере функционировало всего 25 земских судов (8 – в Архангельской губернии, 10 – в Вологодской и 7 – в Олонецкой).

При всей обширности полномочий уездной полиции законодательство предусматривало для нее весьма скромный численный состав. Штатные расписания, действовавшие в первой трети XIX в.⁷, фиксировали только номенклатуру должностей для присутствий земских судов: в их составе выделялись земский исправник, два заседателя от дворян и два заседателя от поселян. По общему правилу замещение этих должностей должно было производиться посредством сословных выборов. Заседатели от поселян, или сельские заседатели, избирались государственными крестьянами (что не вызывало трудностей в изучаемом регионе). Что же касается заполнения дворянских должностей, то в северных губерниях действовал особый порядок.

Ввиду малочисленности благородного сословия почти повсеместно исправники и дворянские заседатели служили по назначению от правительства. Исключение составляли только Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский и Вельский уезды Вологодской губернии⁸: в первых трех избирался полный комплект должностей, в последнем действовал «усеченный» вариант выборного представительства – один дворянский заседатель. В Олонецкой губернии дворянские выборы формально существовали только с 1802 по 1811 г.⁹ Однако установить,

⁶ Подробнее о положении уездной полиции в первой половине XIX в., а также о проектах ее реорганизации см.: *Анучин Е.* Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России... СПб., 1872. С. 113–137; *Том Ю.В.* Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. СПб.: Образование – Культура, 2002. С. 28–155.

⁷ Для Архангельской губернии штаты присутственных мест были утверждены 1 января 1802 г., для Олонецкой – 31 июля 1802 г., для Вологодской – 27 ноября 1803 г. (см.: ПСЗ–1. Т. 27. № 20099, 21051, 21051; Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. № 24985).

⁸ Отметим, что и в этих уездах, где численность дворянства позволяла в полной мере обеспечить сословное представительство в земских судах, на протяжении изучаемого периода встречались затруднения с «наполнением выборных мест», поскольку избранные лица довольно редко выдерживали на посту полный срок (см.: Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 19. Л. 11–11 об.; РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 134. Л. 2–2 об.). При отсутствии кандидатов на замещение дворянских должностей правительство заполняло вакантные места на общих основаниях и зачастую выходцами из других сословий.

⁹ В 1811 г. олонецкий губернатор не утвердил в должности избранных дворян, имевших в прошлом судимость (один из таковых был 9 раз судим и на момент выборов вновь состоял под судом). После этого инцидента последовало «высочайшее» повеление избирать по Олонецкой губернии только губернского и уездных предводителей дворянства, а остальные вы-

в полном ли объеме замещались дворянами в этот период выборные должности, нам не удалось¹⁰. С 1824 г. в состав присутствия земских судов трех уездов Олонецкой губернии была введена еще одна штатная единица – заседатель по корчемной части, назначаемый «от короны» и занимающийся «единственно поимкой корчемников и производством об них следствий»¹¹. Таким образом, с начала XIX в. до 1824 г. общая численность присутствующих лиц земских судов в северных губерниях должна была составлять 125 человек, а с 1824 г. – 128 человек.

Сравнение полученных цифр с имеющимися в нашем распоряжении документами позволяет утверждать, что на практике численность служащих земских судов в основном соответствовала штатным расписаниям¹². Различие выявлено только по трем уездам Вологодской губернии, в присутствия которых в 1820-х гг. было введено по одному дополнительному дворянскому заседателю, назначенному правительством. Такое увеличение штата являлось временной мерой, допускавшейся в крайних случаях, когда обнаруживалось, что неудовлетворительная работа служащих земского суда привела к накоплению огромного количества нерешенных дел и фактически парализовала нормальную деятельность учреждения¹³. В 1821 г. генерал-губернатор А.Ф. Клокачев в ходе обозрения Вологодской губернии обнаружил, что полиция в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах находилась «в совершенном расстройстве». Причины «явной медленности» в производстве дел он связывал с тем, что «дворянство по выборам своим назначает во все сии уезды дворян к исправлению должностей неспособных»¹⁴.

В состав каждого земского суда также входили занимавшиеся делопроизводством канцелярские служители. Определение их точной численности является одной из самых сложных задач. В штатных расписаниях первой трети

борные должности замещать «от Герольдии» (подробнее см.: Исторические материалы о дворянах Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 год. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1907. С. 245–248).

¹⁰ Судя по имеющимся источникам, только в Лодейнопольском и Вытегорском земских судах все дворянские должности замещались по выборам. В остальных уездах не удавалось избрать полный комплект должностей и часть исправников и дворянских заседателей назначалась правительством (см.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. 1821. Д. 338. Л. 6–7, 177; Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 95 об.–98, 109 об.–111, 121 об.–124, 134 об.–137, 146 об.–149, 159 об.–161, 168 об.–171).

¹¹ ПСЗ–1. Т. 39. № 29953. С. 389.

¹² См.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54; 1806. Д. 37; 1807. Д. 26; 1826. Д. 113, 129, 133.

¹³ В первой трети XIX в. назначение правительством дополнительных дворянских заседателей «для успешнейшего отправления дел» производилось и по другим губерниям, где обнаруживалась крайняя медлительность в работе земских судов (см., например: ПСЗ–1. Т. 37. № 28527, 28554).

¹⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. 1821. Д. 338. Л. 8–8 об.

XIX в. должности канцелярских работников не прописывались: указывалось только наличие секретаря и размер суммы, выделяемой на «канцелярские расходы и служителей»¹⁵, исходя из которой позволялось регулировать количество работников и устанавливать для них оплату труда (в зависимости «от способностей и прилежания»). Выявленные и проанализированные в ходе исследования групповые формулярные списки по северным губерниям, в основном, включают служащих, имевших классные чины, т.е. канцелярских чиновников¹⁶. По всем земским судам Архангельской губернии в 1807 г. таковых насчитывалось 13 человек, из них 8 состояли в должности секретарей¹⁷; по 1826 г. также выявлено 13 человек, из них – 7 секретарей¹⁸, т.е. по 1–2 служащих на каждый земский суд. В Вологодской губернии численность канцелярских чиновников была гораздо больше: в 1806 г. – 28 человек (в том числе 9 секретарей)¹⁹, в 1826 г. – 60 человек (9 секретарей)²⁰, т.е. в начале века на каждый земский суд приходилось по 2–3 служащих, к середине 1820-х гг. – по 6 служащих. По Олонецкой губернии имеются самые скромные показатели: в семи земских судах в 1803 г. насчитывалось 11 канцелярских чиновников (из них – 7 секретарей)²¹, в 1826 г. – 6 служащих (все они состояли в должности секретаря)²².

Если установить точное количество служивших в земских судах канцелярских чиновников нам удалось, то относительно канцелярских служителей мы располагаем только фрагментарными и отрывочными сведениями. Групповой формулярный список по Олонецкой губернии, датированный 1803 г., – единственный из выявленных документов первой трети XIX в., в который были включены данные о служащих, не имевших чинов. В этом списке по земским судам

¹⁵ См.: ПСЗ–1. Т. 27. № 20099, 21051, 21051; Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. № 24985.

¹⁶ В законодательстве и делопроизводственной документации первой половины XIX в. понятия «канцелярский чиновник» и «канцелярский служитель» четко различались. И те, и другие состояли на службе в канцеляриях учреждений, однако канцелярские чиновники, в отличие от служителей, имели классные чины и, соответственно, попадали в групповые формулярные списки, ежегодно поступающие в Сенат. Канцелярские служители чинов не имели; они носили канцелярские звания: «копиист» (низшее), «подканцелярист» (среднее) и «канцелярист» (высшее).

¹⁷ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1807. Д. 26. Л. 157 об.–162, 169 об.–172, 177 об.–182, 188 об.–194, 202 об.–206, 214 об.–218, 227 об.–232, 237 об.–243.

¹⁸ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1826. Д. 113. Л. 244 об.–283.

¹⁹ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1806. Д. 37. Л. 86 об.–90, 95 об.–99, 104 об.–106, 113 об.–115, 122 об.–124, 133 об.–136, 143 об.–147, 151 об.–155, 161 об.–165, 171 об.–175.

²⁰ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1826. Д. 129. Л. 219 об.–230, 265 об.–278, 297 об.–308, 333 об.–341, 359 об.–371, 393 об.–401, 414 об.–426, 436 об.–445, 458 об.–470, 480 об.–487.

²¹ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 95 об.–98, 109 об.–111, 121 об.–124, 134 об.–137, 146 об.–149, 159 об.–161, 168 об.–171.

²² Подсчитано по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1826. Д. 133. Л. 214 об.–274 а.

таковых насчитывалось 11 человек²³; следовательно, в канцелярии каждого учреждения состоял секретарь и, как минимум, 2 делопроизводителя. Однако полагать, что такой состав канцелярии сохранялся и в последующие десятилетия, мы не можем. Известно, что в Олонецкой губернии в изучаемый период ощущался острый недостаток чиновников и, особенно, канцелярских служащих²⁴. И если на момент открытия губернии в 1802 г. правительству удалось более-менее укомплектовать штаты местных учреждений, то в дальнейшем число желающих нести службу в суровом северном крае заметно сократилось²⁵. В 1824 г. Олонецкое губернское правление обратило внимание центрального правительства на эту проблему: в 7 земских судах незаполненными были 6 штатных должностей, в том числе не хватало 4 секретарей²⁶. Подчеркнем, что речь шла только о штатных единицах. Что же касается канцелярских служащих, то их, по всей видимости, либо вовсе не имелось, либо они были единичны.

В Архангельской губернии наблюдалась схожая, хотя и не столь критичная ситуация. Из-за суровых условий службы и низких окладов жалования служащие также не стремились обосноваться в этом крае. В 1805 г. архангельский

²³ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 95 об.–98, 109 об.–111, 121 об.–124, 134 об.–137, 146 об.–149, 159 об.–161, 168 об.–171.

²⁴ Проблема нехватки кадров в Олонецкой губернии неоднократно освещалась в литературе. Довольно красноречиво об этой проблеме писал дореволюционный краевед И.И. Благовещенский: «В жалком состоянии находилось управление губернии во все первое полу столетие ее существования. В этот период ощущался здесь большой недостаток в чиновниках. Оседлых (местных) чиновников вовсе не было. Начиная от канцеляриста, на все должности приглашались чиновники из разных губерний. ...[Чиновники] избегали приезда в Олонецкую губернию, а закинутые сюда, как ничем не связанные с местностью, старались как бы скорее пристроиться в более приветливом крае. К тому же, содержание было ничтожное, тяготела дороговизна жизни» (*Благовещенский И.* Образование Олонецкой губернии, управление ею за столетие (1802–1902) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск: Губернская типография, 1902. С. 188).

²⁵ Следует учитывать, что в первые десятилетия XIX в. верховная власть пыталась усилить контроль за процессом формирования бюрократии: в 1808 г. был издан указ, запрещающий принимать на службу лиц из податного состояния (ПСЗ–1. Т. 30. № 23381), в 1813 г. прием на службу уволенных из духовного звания был ограничен только лицами, окончившими полный курс семинарии (ПСЗ–1. Т. 32. № 25506). В масштабах Европейского Севера строгое соблюдение сословных принципов комплектования государственного аппарата в условиях малочисленности местного дворянства и чиновничества, без принятия мер по привлечению служащих из других губерний, усугубляло кадровые проблемы.

²⁶ Всего в подведомственных Олонецкому губернскому правлению присутственных местах не было замещено 62 вакансии (подробнее см.: *Ефимова В.В.* Генерал-губернатор С.И. Миницкий и кадровый вопрос в Олонецкой губернии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 7 (136). Т. 2. С. 104, 108).

военный губернатор И.Х. Ферстер в своем представлении министру внутренних дел указывал: «Находящиеся здесь на службе чиновники все почти, по неимению дворян, помещенные из разных мест Всероссийской империи»²⁷. В гораздо более выгодном положении была Вологодская губерния. Здесь не наблюдалось хронической нехватки канцелярских служащих. Имеющийся опыт изучения кадрового состава вологодских присутственных мест позволяет нам утверждать, что в составе канцелярии каждого земского суда в начале века насчитывалось 1–2 канцелярских служащих, а к середине 1820-х гг. – 3–4 служащих²⁸.

Завершая анализ численного состава земских судов в первой трети XIX в., попытаемся привести некоторые итоговые цифры, не претендующие, однако, на абсолютную точность. Самой немногочисленной была уездная полиция Олонецкой губернии: в начале века количество ее служащих составляло 57 человек, но в последующее время оно сократилось и в разные годы варьировалось от 35 до 45 человек. При этом, в общем составе численность присутствующих лиц превышала численность служащих канцелярий (60 % против 40 %). Количественный состав уездной полиции Архангельской губернии на протяжении всего периода оставался относительно стабильным: 60–70 человек, из которых присутствующие лица также составляли 60 %. Иную динамику отражает развитие земских судов в Вологодской губернии. Если в начале века численность служащих уездной полиции составляла около 90 человек (с небольшим перевесом количества присутствующих лиц), то спустя два десятилетия она достигла 140 служащих (из которых подавляющее большинство занималось канцелярской работой).

В 1837 г. уездная полиция подверглась реорганизации и получила новые штатные расписания²⁹. В составе присутствия были оставлены должности земского исправника и двух сельских заседателей, с сохранением сословного принципа комплектования, а взамен дворянских заседателей были введены должности старшего неперменного заседателя (избирался дворянством) и станновых приставов (назначались правительством). Численность последних определялась по количеству станов в губернии, которое зависело от территории уезда, его населения и особенностей местности. Почти все уезды в изучаемых губерниях были разделены на два стана (исключение составлял Лодейнополь-

²⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1805. Д. 99. Л. 25 об.

²⁸ Подробнее см.: *Плех О.А.* Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Институт российской истории РАН, 2016. С. 102–104.

²⁹ Реформа уездной полиции должна была привести к более рациональному распределению служебных обязанностей и приблизить управление к населению, а также преодолеть частую сменяемость выборных от дворянства лиц (см.: Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.]: [в 55 т.] (далее – ПСЗ–2). СПб.: Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838. Т. 12. Отд. 2. № 10305).

ский, где полагалось 3 стана). Кроме того, в трех земских судах Олонецкой губернии сохранялись должности корчемных заседателей. В штатное расписание 1837 г. были включены и канцелярские должности: на каждый земский суд полагались секретарь, два столоначальника, регистратор и четыре канцелярских служителя. Кроме того, в помощь становым приставам разрешалось нанимать по одному нештатному писарю. Таким образом, к началу 1840-х гг. общая численность служащих земских судов на Европейском Севере России должна была составлять 405 человек: в Архангельской губернии – 128 (из них 48 присутствующих лиц и 80 работников канцелярии), в Вологодской – 160 (60 и 100 соответственно), в Олонецкой – 117 (46 и 71). Попытаемся определить, удавалось ли на практике заполнить эти штатные должности. Групповые формулярные списки за 1844 г. по Архангельской и Олонецкой губерниям содержат сведения обо всех служащих земских судов, включая канцелярских служителей. Согласно этим данным, в Архангельской губернии почти полностью был укомплектован состав присутствующих лиц (вакантной пребывала только должность одного из исправников) и на 45 % заполнены места в канцеляриях³⁰, в Олонецкой губернии эти показатели составляли 100 и 67 % соответственно³¹. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения по Вологодской губернии позволяют увидеть, что к середине 1840-х гг. и составы присутствий, и канцелярии были полностью укомплектованы (вакансии были единичны)³².

По сравнению с предшествующими десятилетиями в 1840-е гг. удалось добиться заметного улучшения кадрового обеспечения³³. Конечно, этому способствовала не реформа уездной полиции, а комплекс мероприятий, инициированных центральным правительством. Так, с 1826 г. учреждениям Олонецкой губернии разрешалось принимать «в канцелярское звание» людей податного состояния³⁴. В 1828 г. издается указ о мерах к отвращению недостатка чиновников и канцелярских служителей по Олонецкой губернии, по которому лицам, изъявившим желание сюда приехать, полагались льготы (в 1832 г. издан еще один указ, подтверждавший действие этого закона)³⁵. В 1830 г. в Петрозаводске

³⁰ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 470 (ч. 2). Л. 294 об.–449.

³¹ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 514 (ч. 2). Л. 265 об.–404.

³² См.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 473 (ч. 3). Л. 432 об.–547; ГАВО. Ф. 14. Оп. 2. Д. 11. Л. 1 а об.–1044; *Плех О.А.* Местное управление в Вологодской губернии... Институт российской истории РАН, 2016. С. 105–107.

³³ Эта благоприятная ситуация сохранялась и в последующие годы; в середине XIX в. наблюдались показатели, аналогичные данным, установленным на 1844 г. (подсчитано по: РГИА Ф. 1349. Оп. 5. Д. 149. Л. 101 об.–103, 173 об.–176, 183 об.–186, 286 об.–309, 320 об.–361, 380 об.–383, 414 об.–417, 422 об.–425, 436 об.–456, 470 об.–476, 516 об.–527, 599 об.–602, 633 об.–640, 681 об.–684, 697 об.–700, 703 об.–733, 765 об.–768, 823 об.–852; Д. 6972. Л. 424 об.–669; Д. 7771. Л. 589 об.–796).

³⁴ ПСЗ–2. Т. 1. № 570.

³⁵ ПСЗ–2. Т. 3. № 2394; Т. 7. № 5267.

открылось училище для детей канцелярских служащих, казеннокоштные воспитанники которого обязывались прослужить в губернии не менее 8 лет (в 1844 г. среди служащих земских судов было два выпускника этого училища). С конца 1830-х гг. на службу в Олонецкую губернию стали направлять воспитанников из особо учрежденных при Ярославском и Полтавском приказах общественного призрения отделений для подготовки писцов (воспитанники, выпущенные в звании младших писцов, обязаны были прослужить в канцеляриях не менее 10 лет, в звании старших – 8 лет)³⁶. Всего в 1844 г. таковых лиц в земских судах Олонецкой губернии насчитывалось 9 человек.

Пожалуй, наибольший эффект был достигнут в результате принятия двух указов – от 29 апреля 1839 г. и от 9 июня 1842 г.³⁷ В указе 1839 г. устанавливалось временное введение поощрений для желающих отправиться на службу в Архангельскую и Олонецкую губернии. В указе 1842 г., уже на постоянной основе, на всю Олонецкую губернию, три уезда Архангельской (Кольский, Кемский и Мезенский) и три уезда Вологодской (Яренский, Устьсысольский и Сольвычегодский) распространялись преимущества службы в отдаленных краях империи. По нашим подсчетам, в земских судах Олонецкой губернии в 1844 г. служило 10 человек, воспользовавшихся установленными законом поощрениями, а в 1850 г. их стало уже 19; в земских судах Архангельской губернии – 12 и 9 человек соответственно. Среди служащих земских судов Вологодской губернии таковых лиц не обнаружено.

Таким образом, за изучаемый период общая численность служащих уездной полиции возросла почти в два раза. Но была ли она сопоставима с объемом выполняемой ими работы? Возьмем наиболее благополучную в кадровом отношении Вологодскую губернию: в 1839 г. десяти земским судам предстояло решить почти 6 000 дел³⁸. Часть из них требовала сбора справок, документов и переписки бумаг, однако более 2 000 дел (уголовных и следственных) не могли быть решены без проведения следственных действий с выездом на место происшествия. Осуществлять эти мероприятия были уполномочены только присутствующие лица, коих насчитывалось всего 60 человек. Иными словами, на одного полицейского приходилось 2–3 расследования в месяц. Учитывая количество присутственных дней в году, обширность уездов, состояние дорог, а также то, что помимо следствий на служащих полиции возлагались и иные обязанности, сопряженные с командировками, становится очевидным уровень сложности стоявших перед полицейскими задач. В литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что такая организация службы и тяжелые условия работы были малопривлекательны для чиновников, в особенности квалифицированных

³⁶ ПСЗ–2. Т. 1. № 64.

³⁷ ПСЗ–2. Т. 14. Отд. 1. № 12281; Т. 17. Отд. 1. № 15731.

³⁸ ГАВО. Ф. 806. Оп. 3. Д. 28. Л. 2 об.–5.

и образованных³⁹. Попытаемся определить, насколько этот тезис оправдывается на материалах северных губерний, обратившись к анализу состава служащих земских судов (табл. 1).

Таблица 1

**Сословное происхождение служащих земских судов северных губерний России
(первая половина XIX в.)⁴⁰**

Год	Дворянство		Дети «обер-офицеров»		Духовенство		Дети приказных служителей		Прочие		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Архангельская губерния												
1807	4	10,8	4	10,8	12	32,5	7	18,9	10	27,0	37	100
1826	6	16,7	13	36,1	11	30,5	6	16,7	0	0,0	36	100
1844	12	17,9	25	37,3	16	23,9	8	11,9	6	9,0	67	100
1850	8	16,3	18	36,8	12	24,5	3	6,1	8	16,3	49	100
Вологодская губерния												
1806	14	24,6	4	7,0	16	28,1	15	26,3	8	14,0	57	100
1826	20	21,7	16	17,4	26	28,3	26	28,3	4	4,3	92	100
1844	13	16,5	13	16,5	42	53,1	9	11,4	2	2,5	79	100
1850	12	12,4	21	21,6	54	55,7	8	8,2	2	2,1	97	100
Олонецкая губерния												
1803	15	34,9	7	16,3	9	20,9	4	9,3	8	18,6	43	100
1826	5	19,2	15	57,7	3	11,6	1	3,8	2	7,7	26	100
1844	24	30,4	22	27,8	5	6,3	7	8,9	21	26,6	79	100
1850	22	36,0	18	29,5	4	6,6	4	6,6	13	21,3	61	100

Примечание. В таблице выделено 5 групп: 1) потомственные дворяне; 2) дети личных дворян (дети «обер-офицеров»); 3) духовенство (дети священно- и церковнослужителей); 4) дети канцелярских, или приказных, служителей; 5) прочие социальные группы, представители которых были малочисленны (выходцы из купечества, мещанства, крестьянства, иностранцы, дети унтер-офицеров и солдат, дети низших служителей гражданского, военного, почтового и духовного ведомств, дети из воспитательных учреждений и др.).

³⁹ Об этой проблеме, с опорой на высказывания М.М. Сперанского и других видных государственных деятелей, впервые заговорили дореволюционные исследователи (см., например: *Анучин Е.* Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России... СПб., 1872. С. 115–166).

⁴⁰ Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54; 1806. Д. 37; 1807. Д. 26; 1826. Д. 113, 129, 133; 1844. Д. 470 (ч. 2), 473 (ч. 3), 514 (ч. 2); Оп. 5. Д. 149, 6972, 7771.

Для характеристики состава служащих исследователи, как правило, обращаются к материалам по учету чиновничества. Групповые формулярные списки, сохранившиеся в РГИА, в основном включают информацию о чиновниках. Довольно редко в них имеются сведения о канцелярских служителях (такие данные обнаружены в групповых формулярных списках по Олонецкой губернии за 1803 и 1844 гг. и по Архангельской губернии за 1844 г.). Также следует учитывать, что в материалы учета не включались выборные сельские заседатели (анализ их сословного происхождения мог бы дать весьма любопытные сведения, поскольку казенные поселяне имели право избирать в качестве своих представителей не только крестьян и однодворцев, но и дворян, чиновников и разночинцев⁴¹). Таким образом, в табл. 1 нам удалось представить сословное происхождение не всех служащих уездной полиции (в основном чиновников). Как мы видим, удельный вес потомственных дворян был сравнительно небольшим, причем самые высокие показатели наблюдаются по Олонецкой губернии, что отнюдь не связано с составом населения: в основном это лица, либо назначенные сюда правительством, либо изъявившие желание приехать в губернию в связи с введением преимуществ по службе. Что касается Вологодской губернии, где действовали дворянские выборы, то, на наш взгляд, низкий процент потомственных дворян на службе следует связывать с нежеланием представителей благородного сословия служить в земских судах. При этом удельный вес дворян в общем составе чиновничества губернии был выше и в разные годы варьировался от 18 до 26 %⁴². Примечательно также, что среди служащих вологодской и архангельской уездной полиции доля выходцев из духовного звания была довольно значительной, в олонеккой же – наоборот, что как раз связано с составом населения.

Особое внимание следует обратить на показатели в графе «Прочие» табл. 1. Большая часть служащих, объединенных нами в эту категорию, являлись представителями податных сословий. Удельный вес этих лиц в составе не только земской полиции, но и вообще служащего чиновничества должен был постепенно сокращаться на протяжении изучаемого периода. В конце XVIII – начале XIX в. государство, в условиях нехватки кадров, допускало на службу представителей податных сословий, а после издания указа 1827 г.⁴³ доступ на службу для них был закрыт. Однако, как уже упоминалось, для Олонецкой губернии было сделано исключение⁴⁴, и это явно отразилось на наблюдаемой нами динамике. Весьма любопытной представляется статистика по детям «обер-

⁴¹ ПСЗ–2. Т. 12. Отд. 1. № 10305.

⁴² Подробнее см.: *Плех О.А.* Местное управление в Вологодской губернии... Институт российской истории РАН, 2016. С. 115–116.

⁴³ См.: ПСЗ–2. Т. 2. № 1469.

⁴⁴ ПСЗ–2. Т. 1. № 570.

офицеров» и приказных служителей. И те, и другие были детьми служащих, с той лишь только разницей, что первые родились в семьях чиновников, не выслуживших потомственное дворянство, вторые – в семьях лиц, вовсе не имевших чинов. Эти категории верховная власть рассматривала как один из главных источников пополнения местного аппарата управления; предполагалось, что служебная деятельность для них станет наследственной. В общей сложности обе категории в составе земских судов насчитывали 30–40 %. Схожая тенденция наблюдалась и по остальным провинциальным учреждениям и была аналогична процессам, протекавшим в других внутренних губерниях Российской империи⁴⁵, что свидетельствует о постепенной профессионализации кадрового состава местных органов власти.

Таблица 2

**Возрастной состав чиновников земских судов северных губерний России
(первая половина XIX в.)⁴⁶**

Годы	до 20 лет		21–30 лет		31–40 лет		41–50 лет		свыше 50 лет		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1800-е	5	4,0	38	29,9	47	37,0	29	22,8	8	6,3	127	100
1826	2	1,3	62	40,5	62	40,5	18	11,8	9	5,9	153	100
1844	0	0,0	38	22,0	78	45,1	41	23,7	16	9,2	173	100
1850	1	0,5	78	37,9	68	33,0	43	20,9	16	7,7	206	100

Табл. 2 отражает возрастной состав служащих земских судов северных губерний. Для того, чтобы информация за разные годы была сопоставимой, в подсчеты включены только данные о чиновниках, извлеченные из групповых формулярных списков. В первое десятилетие XIX в. 60 % чиновников были в возрасте от 30 до 50 лет; средний возраст служащих составлял 36 лет. Эти показатели объясняются тем, что основная масса этих людей пришла на службу во время открытия присутственных мест, созданных в ходе губернской реформы 1775 г. В последующие годы корпус государственных служащих постепенно молодел. К 1826 г., когда средний возраст чиновников равнялся 34 годам, а число лиц не старше 40 лет превысило 80 %, произошла «смена поколений» служащих. Если в первой трети XIX в. в изучаемых губерниях наблюдались схожие тенденции, то в 1840-е гг. показатели по губерниям различаются. В

⁴⁵ Подробнее см.: *Иванов В.А.* Социальный состав местного звена аппарата управления России середины XIX века как отражение политики правительства в области формирования чиновничества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2009. № 1 (56). Вып. 9. С. 73–79.

⁴⁶ Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54; 1806. Д. 37; 1807. Д. 26; 1826. Д. 113, 129, 133; 1844. Д. 470 (ч. 2), 473 (ч. 3), 514 (ч. 2); Оп. 5. Д. 149, 6972, 7771.

1844 г. средний возраст чиновников архангельских и олонечких земских судов вырос до 40 лет, вологодских – до 35. К 1850 г. этот показатель по Архангельской губернии составил 39 лет, по Вологодской – 34 года. Что же касается олонечких чиновников, то за счет значительного притока молодых людей, прибывших в губернию после введения преимуществ по службе, средний возраст чиновников равнялся 36 годам. Отметим также, что к середине века в целом по региону произошло значительное омоложение уездной полиции, и, по всей видимости, на начало 1850-х гг. пришла вторая волна «смены поколений» служащих. Показатели возрастного состава чиновников земских судов, представленные нами в табл. 2, были схожи с данными и по другим местным учреждениям изучаемых губерний.

Следует еще раз подчеркнуть, что при подсчетах среднего возраста не учитывались сведения о канцелярских служителях, которые в основной своей массе были молодыми людьми: на протяжении всего изучаемого периода 60–70 % от общего числа работников канцелярии являлись лицами, не достигшими 30 лет. В то же время в состав присутствий входили более зрелые чиновники: удельный вес людей в возрасте от 31 до 40 лет варьировался от 35 до 45 %, от 40 и старше – от 30 до 40 %.

К особенностям состава служащих полиции следует относить весомое представительство среди них военных в отставке. Назначение таковых лиц на полицейские должности (в первую очередь, полицеймейстерами, городничими, исправниками) рассматривалось правительством как один из способов решения кадровой проблемы в провинции (что в особенности было характерно для первой четверти XIX в.). Так, в 1800-е гг. в северных губерниях доля военных в составе присутствий земских судов достигала 30 %, в 1826 г. – 22 %, в 1840-е гг. – 11%. Однако основная масса чиновников, конечно, начинала карьерный путь с низших канцелярских должностей. В первой четверти XIX в. законом не был определен возраст поступления на службу. Опираясь на данные групповых формулярных списков, мы попытались установить его, что нашло отражение в табл. 3. Как можно видеть, в этот период около 40 % чиновников земских судов начали службу в самом юном возрасте (до 13 лет). После издания указа от 14 октября 1827 г., установившего нижнюю возрастную границу, – «не достигший четырнадцатилетнего возраста не может быть причислен ни к какому гражданскому ведомству»⁴⁷ – в канцелярии присутственных мест перестали принимать малолетних лиц (по данным на 1844 и 1850 гг., все чиновники, попавшие в графу «до 13 лет», начали службу ранее 1827 г.). Верхних возрастных границ для службы не устанавливалось. Большинство чиновников уходило в отставку тогда, когда физически не могли выполнять свои обязанности.

⁴⁷ ПСЗ–2. Т. 2. № 1469. С. 896.

При этом установлено, что удельный вес лиц старше 50 лет на протяжении всего изучаемого периода не превышал 5–10 %.

Таблица 3

Возраст поступления на службу чиновников земских судов северных губерний России (первая половина XIX в.)⁴⁸

Годы	до 13 лет		14–20 лет		свыше 20 лет		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1800-е	53	38,7	67	48,9	17	12,4	137	100
1826	63	41,2	78	51,0	12	7,8	153	100
1844	40	17,9	157	70,1	27	12,0	224	100
1850	31	15,1	155	75,2	20	9,7	206	100

При исследовании кадрового состава нельзя обойти вниманием уровень образования служащих. В большинстве исследованных нами послужных списков нет информации о полученном образовании. Законодатель не предусмотрел внесение таких сведений в формуляр, структура которого не содержала соответствующего раздела. Чиновники при поступлении на службу сообщали информацию, которая с их точки зрения была наиболее значима для карьерного роста. Посещение высших учебных заведений, в особенности если их удавалось закончить, в документах упоминалось. Что же касается среднего и низшего образования, то оно отражалось лишь в редких случаях, поскольку в первой трети XIX в. не оказывало влияния ни на приобретение чинов, ни на замещение должностей. Лишь в 1849 г. требование о внесении в формуляр сведений об образовательном уровне было закреплено законодательно⁴⁹.

В связи с этим мы имеем возможность привести статистику только на середину XIX в. Из табл. 4 видно, что удельный вес лиц, посещавших высшие учебные заведения и имевших аттестаты о законченном среднем образовании (как правило, гимназии и семинарии), был совсем небольшим, а доля служащих, получивших домашнее и низшее образование, достигала 60 %. На наш взгляд, в предшествующие десятилетия последний показатель был гораздо выше, поскольку до введения указа от 25 июня 1834 г., напрямую связавшего скорость приобретения чинов с уровнем образования, у будущих чиновников не было

⁴⁸ Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54; 1806. Д. 37; 1807. Д. 26; 1826. Д. 113, 129, 133; 1844. Д. 470 (ч. 2), 473 (ч. 3), 514 (ч. 2); Оп. 5. Д. 149, 6972, 7771.

⁴⁹ См.: ПСЗ–2. Т. 24. Отд. 1. № 23401.

стимула заканчивать полный курс обучения⁵⁰. Приведенные показатели свидетельствуют, что в изучаемый период, при общем дефиците квалифицированных кадров, для большинства чиновников служебные перспективы определялись не уровнем образования, а сословным происхождением, опытом работы и, что немаловажно, личными качествами (в первую очередь, способностью к выполнению должностных обязанностей).

Таблица 4

**Образовательный уровень служащих земских судов
северных губерний России в 1850 г.⁵¹**

Губерния	Домашнее образование		Низшее образование (законченное, незаконченное)		Среднее незаконченное образование		Среднее законченное образование		Высшее образование (законченное, незаконченное)		Всего	
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%
Архангельская	14	28,6	16	32,6	14	28,9	5	10,2	0	0,0	49	100
Вологодская	7	7,2	50	51,6	29	29,9	8	8,2	3	3,1	97	100
Олонецкая	18	29,5	27	44,3	11	18,0	3	4,9	2	3,3	61	100

Заключение

Подводя итог, отметим, что в изучаемый период организация полицейской службы в суровых условиях обширных губерний Европейского Севера представляла собой непростую задачу. В первой трети XIX в. земские суды, состав и порядок формирования которых определялись штатными расписаниями начала века и «Учреждением о губерниях» 1775 г., испытывали «кадровый голод». Речь идет не столько о нехватке квалифицированных кадров, сколько о фактическом отсутствии желающих нести службу в отдаленных северных губерниях. В начале века общая численность уездной полиции насчитывала чуть более 200 человек, штатные должности нередко пребывали вакантными, а в канцеляриях за мизерную плату трудились малолетние. Реформа 1837 г., призванная

⁵⁰ В первой трети XIX в. численность учащихся в местных учебных заведениях была совсем небольшой, а успешно выдерживали выпускные экзамены и получали аттестаты об образовании лишь единицы (см., например: *Отто Н.К.* Вологодская дирекция училищ до 1850 г. СПб., 1866. С. 44–74).

⁵¹ Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 149, 6972, 7771.

увеличить наличные силы полицейских органов, а также мероприятия, инициированные центральным правительством во второй четверти XIX в. с целью привлечь служащих из других губерний, значительно улучшили кадровое обеспечение. Проведенное исследование отразило положительные изменения, происходившие в составе уездной полиции, свидетельствующие о постепенной профессионализации кадров. К середине века общая численность служащих земских судов в изучаемом регионе возросла почти в два раза. Однако, следует признать, что она по-прежнему была несопоставима с объемом выполняемой работы. Кроме того, оставались нерешенными проблемы с укомплектованием канцелярий (отчасти это было связано и с тем, что вводились строгие правила приема на службу с соблюдением сословного принципа и возрастных ограничений).

Introduction

Following the 300th anniversary of the Russian police, the issues related to the formation of the national law enforcement system attract special attention of the researchers. The research of the formation and development of the police services in the Russian Empire has a long historiographic tradition;¹ and in recent decades, at-

¹ In the pre-revolutionary Russian science, the historians and lawyers actively addressed the problems of legal regulation of the activities of the internal affairs authorities and analyzed the experience of administrative and police reforms (see, for example: E. Anuchin, *Historical review of the development of administrative and police institutions in Russia since 'The Constitution for the Administration of the Governorates of the Russian Empire' in 1775 and until recently* (St Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1872); A.D. Gradovsky, *The Beginning of Russian State Law* (St Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1883. Vol. 3. Part 1); I.T. Tarasov, *Police in the Era of Reforms* (Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K^o, 1885). The Soviet scientists viewed the activities of the police institutions in the context of the general policy of the autocratic government, paying attention to the functioning of the political police and to the organization of political intelligence (see, for example: A.V. Borisov, *Police of the autocratic Russia in the first quarter of the 19th century* (PhD diss. Moscow: Akademiya MVD SSSR, 1982); N.P. Eroshkin, *The feudal Autocracy and its Political Institutions* (Moscow: Mysl', 1981); P.A. Zayonchkovsky, *The Government Apparatus of the Autocratic Russia in the 19th century* (Moscow: Mysl', 1978); I.V. Orzhekhovskiy, *Autocracy against Revolutionary Russia (1826–1880)* (Moscow: Mysl', 1982); V.V. Romanov, *Political police in the Volga region in 1905–1907* (PhD thesis. Kazan' State University, 1992). Foreign historians mainly sought to give a general description of the development of

tempts have been made to summarize the accumulated experience and research results.² Meanwhile, it seems impossible to achieve a new level of understanding of the problems related to the functioning of the internal affairs authorities in the Russian Empire without the use of the materials from various archives, thus making it possible to characterize the circumstances of the local police within the territorial frameworks of the individual regions. The scientific works based on any specific historical documentary basis are mainly presented by the dissertations and research covering the period of the second half of the 19th – early 20th centuries.³ To a much lesser extent, the peculiarities of the work of the provincial police institutions in the 18th – first half of the 19th centuries are retrospectively analysed, which is due to the very fragmented source base.⁴ The focus of this article is the zemstvo police institutions of three governorates of the European North of Russia (the Arkhangelsk Governorate, the Vologda Governorate and the Olonets Governorate), as well as their size and

Russian statehood and the bureaucratic apparatus of the 18th – 19th centuries, while the problems of police functioning were considered against the background of the general evolution of the state and political institutions (see: R. Pipes, *Russia under the Old Regime* (Moscow: Zakharov, 2012); J.P. LeDonne, *Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825* (N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1991); W.B. Lincoln, *Nicholas I: Emperor and Autocrat of All the Russias* (Bloomington: Indiana University Press, 1978); S. Monas, *The Third Section: Police and Society in Russia under Nicholas I* (Cambridge, M: Harvard University Press, 1961); D.T. Orlovsky, *The Limits of Reform. The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia 1801–1881* (Cambridge, M: Harvard University Press, 1981); M. Raeff, *Imperial Russia. 1682–1825. The Corning Age of Modern Russia* (N.Y.: Alfred A. Knopf, 1971); D. Saunders, *Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881* (London; N.Y.: Longman, 1994); H. Seton-Watson, *The Russian Empire, 1801–1917* (Oxford: Clarendon Press, 2004); S.F. Starr, *Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1972); G.L. Yaney, *The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905* (Urbana, Il: University of Illinois Press, 1973).

² See, for example: A.V. Borisov, A.Ya. Malygin, R.S. Mulukaev, *Three centuries of the Russian police: Serving the society is the defense of the Fatherland!* (Moscow: RIPOL klassik, 2016); *Ministry of Internal Affairs of Russia: Pages of history (1802–2002)*, ed. by V.P. Sal'nikov (St Petersburg: Fond 'Universitet': MVD Rossii; Sankt-Peterburgskii universitet, 2001); V. Piotrovsky, *Police of the Russian Empire* (Moscow; St Petersburg: AST; Astrel'-SPb., 2005); *Police and Militsia of Russia: Pages of history* (Moscow: Nauka, 1995).

³ See, for example: S.N. Glavinskaya, *The organization and activities of the police of the Central Black Earth Region of Russia in 1901–1917* (PhD thesis. Kursk State University, 2006); L.V. Koksharov, *The police institutions of the Vladimir Governorate in the second half of the 19th – early 20th centuries* (PhD thesis. Ivanovo State University, 1999); Yu.B. Sysuev, *Police of the Simbirsk Governorate in the second half of the 19th century* (PhD thesis. Research Humanitarian institute at the government of the Republic of Mordovia, 2002).

⁴ See, for example: N.I. Gorlova, *Police of the Russian province in the 19th century: On the example of the Kursk Governorate* (PhD thesis. Kursk State University, 2005); O.V. Lazareva, "Provincial police in the late 18th – early 20th century (based on materials of the Penza Governorate)" (PhD thesis. N.P. Ogarev Mordovia State University, 2000).

composition in the first half of the 19th century. Within these geographical and chronological frameworks, these questions have not yet become the subject of any scientific analysis. The documentary basis of the study includes the accountability materials in relation to the officialdom bureaucracy, including the grouped records of service deposited in the fund 1349 of the Russian State Historical Archive (hereinafter referred to as RGIA).

Main body

In the first half of the 19th century, the administrative and police functions in the uyezds were entrusted to the zemstvo courts. These institutions, which were established as part of the provincial reform of 1775, were entrusted with a wide range of duties, among which were not only the actual police functions (“watchfulness that would preserve discipline, morality and order in an uyezd”),⁵ but also judicial and investigative powers, as well as economic and administration affairs. In practice, this was expressed by the fact that the employees of the zemstvo police dealt with minor offenses, investigated crimes, executed judgements in criminal cases and adopted decisions in civil disputes, searched for and caught the escaping peasants, took measures to limit havoc, raised taxes and collected debts, exercised control over the maintenance of road service, ensured movement and accommodation of the recruitment parties and military groups, monitored trade operations and the dynamics of prices for provisions and forage and provided, at the request of the provincial authorities, various types of information, including collecting statistical data, etc. Performing most of the duties mentioned above was impossible without the departure of the police officers for fieldwork, which was quite a difficult task because of the actual off-road conditions in the vast territories of the uyezds.⁶ This was particularly typical for the region under research, where more than 95 % of the territory was covered by forests and swamplands, and the areas of several uyezds were comparable to the size of many governorates of Central Russia. In the first half of the 19th century, in the European North there were only 25 operating zemstvo courts (eight of them were situated in the Arkhangelsk Governorate, ten – in the Vologda Governorate, and seven – in the Olonets Governorate).

⁵ *The complete collection of the laws of the Russian Empire since 1649: Collection 1: up to 12th December 1825: in 45 volumes (Hereinafter referred to as PSZ–1), vol. 20, no. 14392 (St Petersburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830), 251.*

⁶ For more information about the situation with the uyezd police in the first half of the 19th century, as well as regarding the projects of its reorganization, see: E. Anuchin, *Historical review of the development of administrative and police institutions in Russia*, 113–37; Yu.V. Tot, *The Reform of the Uyezd Police in the Government Policy of Russia in the 19th century* (St Petersburg: Obrazovanie – Kul'tura, 2002): 28–155.

Despite such extensive powers of the uyezd police, according to the legislation, its size was very modest. Established in the first third of the 19th century,⁷ the staffing charts recorded only the nomenclature of the positions for attendance at zemstvo courts, the so-called attendants. There, a police officer, two assessors from the nobility and two assessors from the villagers were allocated. As a rule, these posts were to be filled with the help of estates elections. The assessors from the local villagers, or village assessors, were elected by the ‘state’ peasants (which did not cause any difficulties in the region under research). As for the filling of the nobility posts, there was a special order in the Northern governorates.

Due to a very small number of representatives from the noble class, the policemen and noble assessors almost entirely served because of appointments from the government. The exceptions were only Vologda, Gryazovets, Kadnikov and Velsk uyezds of the Vologda Governorate.⁸ In the first three of them, the full set of posts was to be elected, whereas in the latter there was a ‘shortened’ version of the elected representative office, with only one noble assessor. In the Olonets Governorate, the nobiliary elections formally existed only from 1802 to 1811,⁹ but we failed in determining whether all elective positions were completely replaced by the noblemen during that period.¹⁰ From 1824, another regular position was introduced into the zemstvo courts of three uyezds of the Olonets Governorate – an assessor dealing with illegal alcohol production, appointed ‘from the crown’, and engaged “solely in catch-

⁷ For the Arkhangelsk Governorate, the staffing tables for the public offices staffing were approved on 1st January 1802, for the Olonets Governorate – on 31st July 1802, for the Vologda Governorate – on 27th November 1803 (see: PSZ–1, vol. 27, no. 20099, 21051, 21051; vol. 44, part 2, section 4, no. 24985).

⁸ It should be noted that in the uyezds, where the number of noblemen allowed to fully ensure the representation of the noble class in the zemstvo courts, during the period under research, there were difficulties with “filling of the elective positions”, since the elected persons rarely stood the full term of their office (see: Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti (Hereinafter referred to as – GAVO) f. 32, op. 1, d. 19, ll. 11–11 ob., RGIA f. 1151, op. 1, d. 134, ll. 2–2 ob.). In the absence of candidates for the noble positions, the government filled the vacant places on a general basis and often with the representatives who came from the other classes.

⁹ In 1811, the governor of Olonets did not approve the elected nobles who had previous convictions (one of those was convicted nine times and was again on trial at the time of the election). After this incident in the Olonets Governorate, there was the ‘highest’ order to choose only provincial and district leaders among the nobility and to replace the remaining elective positions “from an officer of arms” (for more, see: “Historical materials on the nobles of the Olonets Governorate”, *Memorial book of the Olonets Governorate in 1907* (Petrozavodsk: Olonetskaya gubernskaya tipografiya, 1907): 245–48).

¹⁰ According to available sources, only in Lodeinopolsk and Vytegorsk Zemstvo courts, all positions of the nobility were filled because of elections. In the remaining uyezds, it was not possible to elect a full set of positions, and part of the police officers and noble assessors was appointed by the government (see: RGIA f. 1286, op. 3. 1821, d. 338, ll. 6–7, 177; f. 1349, op. 4. 1803, d. 54, ll. 95 ob.–98, 109 ob.–111, 121 ob.–124, 134 ob.–137, 146 ob.–149, 159 ob.–161, 168 ob.–171).

ing red-handed the illegal alcohol manufacturers and pursuing an investigation in their respect”.¹¹ Thus, from the beginning of the 19th century and until 1824, the total number of attendants at the zemstvo courts in the Northern governorates was to amount to 125 persons, and from 1824 – to 128 persons.

The comparison of the obtained figures with the documents we have at our disposal suggests that, in practice, the number of employees of the zemstvo courts mostly corresponded to the staffing charts.¹² The difference is discovered only in three uyezds of the Vologda Governorate, where in the 1820s, one additional noble assessor appointed by the government was introduced. Such an increase in the size of the staff was a temporary measure that was allowed in extreme cases, when it was discovered that the unsatisfactory work of the employees of the zemstvo court led to the accumulation of a huge number of outstanding cases and in fact paralyzed the normal activities of the institution.¹³ In 1821, Governor General A.F. Klokachov whilst reviewing the situation in the Vologda Governorate, discovered that the police institutions in Vologda, Gryazovets and Kadnikov districts were ‘in complete disorder’. He attributed the reasons for this ‘obvious slowness’ to investigate the cases to the fact that “during the elections, the nobility appointed to all the uyezds the noblemen incapable of fulfilling their duties”.¹⁴

Each zemstvo court also included office workers engaged in the clerical duties. Determining their exact number is one of the most difficult tasks. In the staffing charts of the first third of the 19th century, such clerical positions were not prescribed at all: only the presence of a secretary and the amount allocated for “clerical expenses and attendants” were indicated,¹⁵ on the basis of which it was possible to regulate the number of employees and appoint the salaries for them (depending on their ‘abilities and diligence’). The grouped records of service for the Northern Governorates, identified and analysed during the research, mainly include employees who had ranks, i.e. clerical officials.¹⁶ In 1807, in all zemstvo courts of the Arkhangelsk Governorate,

¹¹ PSZ–1, vol. 39, no. 29953, l. 389.

¹² See: RGIA f. 1349, op. 4. 1803, d. 54; 1806, d. 37; 1807, d. 26; 1826, d. 113, 129, 133.

¹³ In the first third of the 19th century, the government appointed additional noble assessors “for the successful administration of cases” in other governorates as well, if the work of the zemstvo courts was considered too slow (see, for example, PSZ–1, vol. 37, no. 28527, 28554).

¹⁴ RGIA f. 1286, op. 3. 1821, d. 338, l. 8–8 ob.

¹⁵ See: PSZ–1, vol. 27, no. 20099, 21051, 21051; vol. 44, part 2, dep. 4, no. 24985.

¹⁶ In the area of legislation and documentation in the first half of the 19th century, the concepts ‘clerical official’ and ‘clerical attendant’ clearly differed. Both were in the service at official institutions, however the clerical officials, unlike attendants, had class ranks and, accordingly, were included in the group official lists, which were submitted annually to the Senate. The clerical attendants did not have any ranks; they only had clerical titles: “copyist” – ‘copyist’ (lower), “podkantselyarist” – ‘sub-clerk’ (intermediate) and “kantselyarist” – ‘clerk’ (higher).

there were 13 such officials, eight of whom were secretaries.¹⁷ In 1826, there were also 13 officials, seven of whom were secretaries,¹⁸ which meant one or two attendants per each zemstvo court. In the Vologda Governorate, the number of clerical officials was much higher. In 1806, there were 28 similar officials, including nine secretaries;¹⁹ in 1826 – 60 officials, including nine secretaries.²⁰ Thus, at the beginning of the century, there were two or three attendants per each zemstvo court, whereas by the mid-1820s there were six attendants. In the Olonets Governorate, we possess the most modest figures: in 1803 in seven Zemstvo courts, there were 11 clerical officials, seven of whom were secretaries;²¹ in 1826 – there were six officials (all of them were secretaries).²²

Thus, we were able to establish the exact number of clerical officials who served at the zemstvo courts, but we have only very fragmentary information regarding the clerical attendants. The grouped record of service for the Olonets Governorate dated 1803, is the only document identified in the first third of the 19th century, which included data on employees who did not have any ranks: there were 11 such officials in the zemstvo courts.²³ Consequently, in the office of each institution, there was a secretary and at least two clerks. However, we cannot assume that such a composition of the chancellery remained unchanged in the following decades. It is known that in the Olonets Governorate during the period under research, there was an acute shortage of officials and, especially, that of clerical attendants.²⁴ And if at the time of the Gover-

¹⁷ The count is based on: RGIA f. 1349, op. 4. 1807, d. 26, l. 157 ob.–162, 169 ob.–172, 177 ob.–182, 188 ob.–194, 202 ob.–206, 214 ob.–218, 227 ob.–232, 237 ob.–243.

¹⁸ The count is based on: RGIA f. 1349, op. 4. 1826, d. 113, ll. 244 ob – 283.

¹⁹ The count is based on: RGIA f. 1349, op. 4. 1806, d. 37, l. 86 ob.–90, 95 ob.–99, 104 ob.–106, 113 ob.–115, 122 ob.–124, 133 ob.–136, 143 ob.–147, 151 ob.–155, 161 ob.–165, 171 ob.–175.

²⁰ The count is based on: RGIA f. 1349, op. 4. 1826, d. 129, l. 219 ob.–230, 265 ob.–278, 297 ob.–308, 333 ob.–341, 359 ob.–371, 393 ob.–401, 414 ob.–426, 436 ob.–445, 458 ob.–470, 480 ob.–487.

²¹ The count is based on: RGIA f. 1349, op. 4. 1803, d. 54, ll. 95 ob.–98, 109 ob.–111, 121 ob.–124, 134 ob.–137, 146 ob.–149, 159 ob.–161, 168 ob.–171.

²² The count is based on: RGIA f. 1349, op. 4. 1826, d. 133, ll. 214 ob.–274 a.

²³ The count is based on: RGIA f. 1349, op. 4. 1803, d. 54, ll. 95 ob.–98, 109 ob.–111, 121 ob.–124, 134 ob.–137, 146 ob.–149, 159 ob.–161, 168 ob.–171.

²⁴ The problem of lack of personnel in the Olonets Governorate was repeatedly covered in the literature. I.I. Blagoveshchensky, a local pre-revolutionary historian, wrote about this problem quite eloquently, “The administration of the Governorate was in a pitiful state of its existence during the first half century. During this period, there was a significant lack of officials here. There were no local officials at all. Starting from the position of a clerk, the officials were invited from different governorates. ... [The officials] avoided coming to the Olonets Governorate, and being sent there, as the persons being not connected with the region at all, they tried to settle down in a more affable region. In addition, their salary was insignificant compared to the high cost of living”.

norate opening in 1802, the government managed more or less to fully staff all the local institutions, then in the time following, the number of those wishing to serve in the harsh Northern region decreased significantly.²⁵ In 1824, the Olonets government drew attention of the central government to the issue that there were six full-time positions in seven zemstvo courts, including four full-time secretaries.²⁶ We will emphasize that the point was only about regular staff positions. As for the clerical attendants, they, apparently, either did not exist at all or were very random.

In the Arkhangelsk Governorate, there was a similar, though not so critical situation. Due to the harsh conditions of service and low salaries, the employees did not wish at all to settle in this region either. In 1805, the Arkhangelsk military governor I. Ferster, in his report to the Minister of the Internal Affairs, pointed out, “The officers serving here are almost all, apart from the nobles, positioned from different places of the All-Russian Empire.”²⁷ The Vologda Governorate was in a much more favourable position. There was no long-lasting shortage of the clerical staff. The experience of studying the personnel structure of Vologda government offices allows us to assert that at the beginning of the century, there were at least one or two clerical attendants in the office of each zemstvo court; whereas by the mid-1820s there were three to four such attendants.²⁸

Completing the analysis regarding the number of members in the zemstvo courts in the first third of the 19th century, we will try to present some final figures; however, we will not claim to be too accurate. The uyezd police of the Olonets Governorate was the tiniest institution in terms of the numbers of its members: at the beginning of the century, the number of its employees amounted to 57 persons, however

(I.I. Blagoveshchensky, “Education in the Olonets Governorate and its management during a hundred years (1802–1902)”, *Memorial book of the Olonets Governorate in 1902* (Petrozavodsk: Gubernskaya tipografiya, 1902)).

²⁵ It should be kept in mind that in the first decades of the 19th century, the supreme power tried to strengthen its control over the process of the bureaucracy formation: in 1808, a decree was issued prohibiting the recruitment of the persons from the tax-paying class (PSZ–1, vol. 30, no. 23381), in 1813, the recruitment was limited to persons who completed the full course of seminary (PSZ–1, vol. 32, no. 25506). With regards to the European North, such strict observance of the class principles of staffing the state apparatus under the conditions of a small number of local nobility and bureaucracy and without taking measures to attract employees from other governorates, led to the obvious problems with personnel.

²⁶ Altogether, there were 62 vacancies within the jurisdiction of the Olonets regional government (see V.V. Efimova, “Governor General S. Minsky and personnel issues in the Olonets Governorate”, *Scholarly Notes of Petrozavodsk State University*. Series: Social and Humanitarian Sciences, vol. 2, no. 7 (136) (2013): 104, 108).

²⁷ RGIA f. 1286, op. 1. 1805, d. 99, l. 25 ob.

²⁸ For more information, see: O.A. Plekh, *Local government of Vologda Governorate in the first half of the 19th century* (PhD diss. Institute of the Russian history of RAS, 2016), 102–04.

later it was reduced and in different years varied from 35 to 45 employees. At the same time, in its overall composition, the number of attendants exceeded the number of office workers (60 vs 40 %). The number of the uyezd police members in the Arkhangelsk Governorate remained relatively stable throughout the entire period under research and amounted to 60–70 persons, where the proportion of attendants was also 60 %. Meanwhile, a different dynamic is reflected in the development of the zemstvo courts in the Vologda Governorate. If at the beginning of the century, the number of attendants in the uyezd police amounted to about 90 persons (with a small edge over the number of attendants), then two decades later, it already reached 140 persons (with the overwhelming majority being engaged in the clerical work).

In 1837, the uyezd police underwent reorganization and received new staffing charts.²⁹ As part of its composition, the posts of the zemstvo police officer and two rural assessors were retained with the preservation of the class principle during their recruitment, and instead of the nobility assessors, the positions of an indispensable senior assessor (elected by the nobility) and bailiffs (appointed by the government) were introduced. The number of the latter was determined by the number of ‘camps’ in a governorate (this number was determined depending on the territory of uyezds, its population and the characteristics of the area). Almost all uyezds in the governorates under research were divided into two camps (the exception was the uyezd of Lodeinopolsk, where three camps were supposed to be). In addition, the positions of assessors dealing with illegal alcohol production were kept in three zemstvo courts of the Olonets Governorate. The staffing chart of 1837 also included some clerical posts. Each zemstvo court included a secretary, two chief officers, a registrar and four clerical attendants. In addition, one clerk was also supposed to help the local bailiffs. Thus, by the early 1840s, in the European North of Russia, the total number of attendants at zemstvo courts was 405, including 128 persons in the Arkhangelsk Governorate (48 of them were attendants and 80 – office workers), 160 in the Vologda Governorate (60 and 100, respectively), 117 in the Olonets Governorate (46 and 71, respectively). We will try to determine whether it was possible to fill all these full-time positions. In 1844, the grouped records of service in the Arkhangelsk and the Olonets Governorates contained information about all employees of the zemstvo courts, including the clerical staff. According to these data, the positions of attendants were almost fully staffed in the Arkhangelsk Governorates (only a position for one of

²⁹ The reform of the uyezd police was to lead to a more rational distribution of the official duties and bring management closer to the population, as well as to overcome the frequent turnover of the officials elected from the nobility (See: *The complete collection of the laws of the Russian Empire*: Vol. 2: from 12th December, 1825 until 28th February, 1881: in 55 vol. (hereinafter referred to as PSZ–2). St Petersburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1838, vol. 12, part 2, no. 10305).

the police officers was vacant); and 45 % of positions were staffed in the local offices.³⁰ In the Olonets Governorate, these figures were 100 and 67 %, respectively.³¹ The information at our disposal on the Vologda Governorate allows us to observe that by the mid-1840s, both the positions of attendants and office workers were fully staffed (vacancies were quite sporadic).³²

Compared to the preceding decades in the 1840s, it was possible to achieve a noticeable improvement in terms of staffing.³³ It goes without saying, it was not the reform of the uyezd police that contributed to this, however the set of measures initiated by the central government. Thus, starting from 1826, the institutions in the Olonets Governorate could accept people in the tax-paying status 'to the clerical rank'.³⁴ In 1828, a decree was issued on measures to prevent the shortage of officials and clerical workers in the Olonets Governorate, according to which those who expressed a desire to come to the region were authorised to gain certain benefits (another decree was issued in 1832 confirming the operation of this law).³⁵ In 1830, a professional school for children of clerical attendants opened in Petrozavodsk. Its pupils, whose education was paid for by the state, pledged to serve in the governorate for at least eight years (in 1844, there were two graduates of this school among the employees at the zemstvo court). Since the late 1830s, the pupils were sent to the Olonets Governorate from the local schools to be trained as scribes that were specially established at the Yaroslavl and Poltava *prikaz* of public assistance (the educatees of these schools who graduated in the rank of junior scribes were obliged to serve in the office for at least ten years, those in the rank of senior scribes – for eight years).³⁶ In 1844, there were in total nine such graduates in the zemstvo courts of the Olonets Governorate.

The greatest effect was probably achieved because of the implementation of two decrees, dated 29th April 1839 and 9th June 1842.³⁷ In 1839, the temporary introduction of special benefits was also announced for those who wanted to move for the

³⁰ Compiled based on: RGIA f. 1349, op. 4. 1844, d. 470 (part 2), ll. 294 ob.–449.

³¹ Compiled based on: RGIA f. 1349, op. 4. 1844, d. 514 (part 2), ll. 265 ob.–404.

³² See: RGIA f. 1349, op. 4. 1844, d. 473 (part 3), ll. 432 ob.–547; GAVO f. 14, op. 2, d. 11, l. 1 a ob.–1044; O.A. Plekh, *Local government of the Vologda Governorate*, 105–07.

³³ This favourable situation continued in the following years as well; in the middle of the 19th century, data like those of 1844 were observed. (The count is based on: RGIA f. 1349, op. 5, d. 149, ll. 101 ob.–103, 173 ob.–176, 183 ob.–186, 286 ob.–309, 320 ob.–361, 380 ob.–383, 414 ob.–417, 422 ob.–425, 436 ob.–456, 470 ob.–476, 516 ob.–527, 599 ob.–602, 633 ob.–640, 681 ob.–684, 697 ob.–700, 703 ob.–733, 765 ob.–768, 823 ob.–852; d. 6972, ll. 424 ob.–669; d. 7771, ll. 589 ob.–796).

³⁴ PSZ–2, vol. 1, no. 570.

³⁵ PSZ–2, vol. 3, no. 2394; vol. 7, no. 5267.

³⁶ PSZ–2, vol. 1, no. 64.

³⁷ PSZ–2, vol. 14, part 1. no. 12281; vol. 17, part 1, no. 15731.

service in the Arkhangelsk Governorates and the Olonets Governorate. In 1842, already on a permanent basis, the entire Olonets Governorate, three uyezds of the Arkhangelsk Governorate (Kola, Kemsk and Mezen) and three uyezds of the Vologda Governorate (Yarensk, Ust'sysol'sk and Sol'vychevodsk) also extended the benefits for the service in the remote parts of the empire. According to our calculations, ten persons who took advantage of the incentives established by law served in the zemstvo courts of the Olonets Governorate in 1844, in 1850 – there were already 19 persons. In the zemstvo courts of the Arkhangelsk Governorate – these figures were 12 and nine persons, respectively. No such persons were found among the employees of the zemstvo courts in the Vologda Governorate.

Thus, for the period under research, the total number of employees of the uyezd police had increased almost twice. But was it in fact comparable to the amount of work they did? Let us look at the Vologda Governorate, which was the most prosperous region in terms of staffing. In 1839, ten zemstvo courts had to proceed with almost 6000 cases.³⁸ Some of these cases included just the collection of certificates, documents or some correspondence, however more than 2,000 cases (criminal and investigative) could not be resolved without conducting investigative actions on site, with the attendance of the crime scene. Only court attendants were authorized to perform such activities, of which there were only 60 people. In other words, there were two or three investigations per month per each police officer. Considering the number of business days per year, the vastness of the country uyezds, the condition of the roads and the fact that, in addition to these investigations, the attendants were also assigned with other duties related to their business trips, the level of complexity of the tasks faced by the police became obvious. Various literature sources have repeatedly expressed the opinion that such an organization of service and difficult working conditions were not attractive for the officials, especially very qualified and educated ones.³⁹ Let us try to determine how this hypothesis is justified on the materials of the Northern governorates, referring to the analysis of the composition of the zemstvo courts employees.

³⁸ GAVO f. 806, op. 3, d. 28, ll. 2 ob.–5.

³⁹ Pre-Revolutionary researchers spoke about this issue for the first time based on the statements of M.M. Speransky and other important statesmen (see, for example: E. Anuchin, *Historical review of the development of administrative and police institutions*, 115–66).

Table 1

**Class origin of the attendants at the zemstvo courts in the Northern provinces of Russia
(first half of the 19th century)⁴⁰**

Year	Nobility		Children of 'subaltern officers'		Clergy		Children of 'departmental attendants'		Other		Total	
	Pers.	%	Pers.	%	Pers.	%	Pers.	%	Pers.	%	Pers.	%
the Arkhangelsk Governorate												
1807	4	10,8	4	10,8	12	32,5	7	18,9	10	27,0	37	100
1826	6	16,7	13	36,1	11	30,5	6	16,7	0	0,0	36	100
1844	12	17,9	25	37,3	16	23,9	8	11,9	6	9,0	67	100
1850	8	16,3	18	36,8	12	24,5	3	6,1	8	16,3	49	100
the Vologda Governorate												
1806	14	24,6	4	7,0	16	28,1	15	26,3	8	14,0	57	100
1826	20	21,7	16	17,4	26	28,3	26	28,3	4	4,3	92	100
1844	13	16,5	13	16,5	42	53,1	9	11,4	2	2,5	79	100
1850	12	12,4	21	21,6	54	55,7	8	8,2	2	2,1	97	100
the Olonets Governorate												
1803	15	34,9	7	16,3	9	20,9	4	9,3	8	18,6	43	100
1826	5	19,2	15	57,7	3	11,6	1	3,8	2	7,7	26	100
1844	24	30,4	22	27,8	5	6,3	7	8,9	21	26,6	79	100
1850	22	36,0	18	29,5	4	6,6	4	6,6	13	21,3	61	100

Note. There are five groups presented in the table: 1) the nobility (or hereditary nobles); 2) children of personal nobility, children of 'subaltern officers'; 3) the clergy (children of clergymen and church officers); 4) children of 'departmental attendants'; 5) other social groups whose representatives were few (such as merchants, petty bourgeoisie, peasantry, foreigners, children of non-commissioned officers and soldiers, children of lower servants at civil, military, postal and religious departments, children from educational institutions, etc.)

To characterize the composition of the employees, the researchers, as a rule, refer to the materials to record the officialdom. The grouped records of service preserved at the Russian State Historical Archive mainly include information about the officials. Quite rarely, they also contain information about clerical servants (for example, such information was found in the grouped records of service for the Olonets Governorate for the years 1803 and 1844 and for the Arkhangelsk Governorate for the year 1844). It should also be considered that such materials of accountability did not include any information on the elected countrymen assessors (an analysis of their class origin could have provided very curious information, since the 'state' countrymen

⁴⁰ Compiled based on: RGIA f. 1349, op. 4. 1803, d. 54; 1806. d. 37; 1807. d. 26; 1826. d. 113, 129, 133; 1844. d. 470 (ch. 2), 473 (ch. 3), 514 (ch. 2); op. 5. d. 149, 6972, 7771.

had the right to elect not only peasants and smallholders, but also nobles, officials and people of miscellaneous ranks, or the so-called *raznochintsy*, as their representatives).⁴¹ Thus, in Table 1 we were not able to represent the class origin of all employees of the zemstvo police (mainly officials). As we can see, the proportion of hereditary nobles was relatively small, with the highest rates observed in the Olonets Governorate, which is by no means related to the composition of the population: these are mainly individuals appointed by the government or willing to serve there because of the introduction of the service benefits. As for the Vologda Governorate, where the elections of the nobles took place, then, in our opinion, the low percentages should be attributed to the unwillingness of the representatives of the noble society to serve in the zemstvo courts (the proportion of noblemen in the total composition of the local officialdom was higher and in different years varied from 18 to 26 %).⁴² It is also noteworthy that among the officials of the Vologda and Arkhangelsk zemstvo police, the proportion of the individuals that belonged to the clergy was quite significant, whilst in the Olonets Governorate, the situation was different and directly related to the composition of the population in this region.

In this case, attention should be given to the figures in the column ‘other’ of Table 1. Most of the employees who belonged to this category were representatives of the tax-paying classes. The proportion of such persons in the composition of not only the zemstvo police, but also among the civil servants in general, should have been gradually reduced throughout the period under research. At the end of the 18th – early 19th century, under the conditions of shortage of personnel, the government allowed the representatives of the tax-paying classes to be admitted to the service, but after the publication of the decree of 1827,⁴³ they were denied access to the service. However, as already mentioned, an exception was made for the Olonets Governorate,⁴⁴ and this clearly affected the dynamics we observed in Table 1. The statistics on the children of the ‘subaltern officers’ and clerks is also very interesting. Both groups included children of court attendants, with the only difference being that the first group included children born in the families of the officials who did not obtain by service their belonging to the hereditary nobility, whereas the second contains the children born in the families of people who did not have any ranks at all. These categories were considered by the supreme authority as one of the main sources of staffing for the local administration apparatus. It was assumed that the service for them would become hereditary. In total, both categories in the composition of the zemstvo courts accounted for 30–40 %. A similar trend was observed in other provincial institutions

⁴¹ PSZ–2, vol. 12, part 1, no. 10305.

⁴² For more information, see: O.A. Plekh, *Local government of the Vologda Governorate*, 115–16.

⁴³ See: PSZ–2, vol. 2, no. 1469.

⁴⁴ PSZ–2, vol. 1, no. 570.

and was like the processes taking place in other internal governorates of the Russian Empire,⁴⁵ which indicates a gradual professionalization of the personnel of the local authorities.

Table 2

**The age of the officials at the zemstvo courts in the Northern governorates of Russia
(first half of the 19th century)⁴⁶**

Years	< 20 years old		21–30 years old		31–40 years old		41–50 years old		> 50 years old		Total	
	Persons	%	Persons	%	Persons	Persons	Persons	%	Persons	%	Persons	%
1800s	5	4,0	38	29,9	47	37,0	29	22,8	8	6,3	127	100
1826	2	1,3	62	40,5	62	40,5	18	11,8	9	5,9	153	100
1844	0	0,0	38	22,0	78	45,1	41	23,7	16	9,2	173	100
1850	1	0,5	78	37,9	68	33,0	43	20,9	16	7,7	206	100

Table 2 reflects the age composition of the employees at the zemstvo courts in the Northern governorates. For information for different years to be comparable, only data on the officials extracted from the grouped records of service are included in the calculation. In the first decade of the 19th century, 60 % of officials belonged to the group of people aged between 30 and 50. The average age of employees was 36 years old. These figures can be explained by the fact that most of these people came to the service during the opening of office positions created during the Governorate reform of 1775. In the following years, the corps of civil servants gradually became younger. By 1826, when the average age of the officials was 34 years old, and the number of persons no older than 40 years exceeded 80 %, there was the so-called ‘change of generations’ among the employees. If in the first third of the 19th century, similar tendencies were observed in all governorates under research, then in the 1840s, the indicators for the governorates varied. In 1844, the average age of officials at the Arkhangelsk and Olonets Zemstvo courts increased and was then 40 years old, whereas at the Vologda Zemstvo courts it was 35 years old. By 1850, this figure in the Arkhangelsk Governorate was 39 years old, whereas in the Vologda Governorate it was

⁴⁵ For more information, see: V.A. Ivanov, “The social composition of the local core of the Russian administrative apparatus of the mid – 19th century as a reflection of the government policy in the field of the officialdom formation”, *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History*. Political science, issue 9, no. 1 (56) (2009): 73–79.

⁴⁶ Compiled based on: RGIA f. 1349, op. 4. 1803, d. 54; 1806, d. 37; 1807, d. 26; 1826, d. 113, 129, 133; 1844, d. 470 (part 2), 473 (part 3), 514 (part 2); op. 5, d. 149, 6972, 7771.

34. As for the officials of Olonets, due to the significant influx of young people who arrived in the governorate after the introduction of the benefits for the service, the average age was 36 years old. We can also note that by the middle of the century, the uyezd police had undergone significant youthification and became much younger in the region overall, and, apparently, at the beginning of the 1850s, the second wave of the ‘change of generations’ among the employees followed. The indicators of the age structure of the officials at the zemstvo courts, presented in Table 2, were like the data for other local institutions of the governorates under research.

It should be emphasized once again that the calculations of the average age did not consider any information regarding the clerical officials, who, as a rule, were quite young people: throughout the period under research, 60–70 % of the total number of office workers were persons younger than 30 years old. At the same time, the composition of attendance mostly included more mature officials: the proportion of people aged 31 to 40 ranged from 35 to 45 %, from 40 and older – from 30 to 40 %.

The peculiarities of the composition of the police officers also include a significant representation of retired military among them. The appointment of such persons to the positions in the police institutions (first, as *polizeimeisters*, city governors and police officers) was considered by the government as one of the ways to solve the personnel problem in the province (which was particularly typical in the first quarter of the 19th century). Thus, in the 1800s, in the Northern governorates, the share of the military men represented in the local courts reached 30 %, in 1826 it amounted to 22 %, in the 1840s – it reached 11%. However, most officials, of course, began their career with lower clerical positions. In the first quarter of the 19th century, the law did not determine the age of entry into the service. Relying on the data of the grouped records of service, we tried to collect such information, which is reflected in Table 3. As we can see, during this period, about 40 % of the officials at the zemstvo courts began their service at a very young age (under 13 years old). After the issuance of the decree on 14th October 1827, which introduced the lowest age limit, – “those has not reached the age of fourteen, cannot be numbered along in any civil department”,⁴⁷ – the institutions stopped accepting minors for the service at the government offices (therefore, all the officials who fit into the column ‘under 13’ began their service earlier than in 1827). The upper age limits for the service were not introduced at all. Most of the officials resigned from the service only when they could not physically fulfil their duties. At the same time, it was established that during the entire period under research, the proportion of the people who were older than 50 years old did not exceed 5–10 %.

⁴⁷ PSZ–2, vol. 2, no. 1469, p. 896.

Table 3

The age of entry on duty of officials in the zemstvo courts of the Northern governorates of Russia (first half of the 19th century)⁴⁸

Years	<13 years old		14–20 years old		> 20 years old		Total	
	Persons	%	Persons	%	Persons	%	Persons	%
1800s	53	38,7	67	48,9	17	12,4	137	100
1826	63	41,2	78	51,0	12	7,8	153	100
1844	40	17,9	157	70,1	27	12,0	224	100
1850	31	15,1	155	75,2	20	9,7	206	100

During the researches of the personnel composition, one cannot overlook the level of education of the employees. In most of the track records that we studied, there is no information about the education. The legislator did not provide such information in the form, the structure of which did not contain the relevant section at all. Joining the service, the officials provided information that, from their point of view, was most significant for their future career progress. However, entering higher education institutions, especially if the graduation followed, were mentioned in the documents. As for the secondary and lower secondary education, it was reflected only in very rare cases, since in the first third of the 19th century, it did not affect the acquisition of ranks or staffing of the open positions. Only in 1849, the requirement to provide information on the educational level in the form was enshrined in the legislation.⁴⁹

In this regard, we can provide statistics only for the middle of the 19th century. It can be seen from Table 4 that the proportion of those who attended higher education institutions and received certificates of completion of secondary education (as a rule, those were gymnasiums and seminaries) was very insignificant, and the proportion of the employees who received home and lower secondary education reached 60 %. In our opinion, in the preceding decades, the latter figure was much higher, because prior to the introduction of the decree on 25th June 1834, which directly linked the acquisition of ranks with the level of education, the future officials were not motivated at all to complete any full curriculum.⁵⁰ The above figures show that during the

⁴⁸ Compiled based on: RGIA f. 1349, op. 4, 1803, d. 54; 1806, d. 37; 1807, d. 26; 1826, d. 113, 129, 133; 1844, d. 470 (part 2), 473 (part 3), 514 (part 2); op. 5, d. 149, 6972, 7771.

⁴⁹ See: PSZ–2, vol. 24, part 1, no. 23401.

⁵⁰ In the first third of the 19th century, the number of students in the local educational institutions was very small, but only a few of them successfully passed their final exams and received certificates of education (see, for example, N.K Otto, *Vologda Directorate of Training Schools until 1850* (St Petersburg, 1866): 44–74.

period under research, with a general shortage of qualified personnel, for most officials, their career prospects were determined not by their education level, but rather by their class origin, work experience and, most importantly, by their personal traits (first, by the ability to fulfil their official duties).

Table 4

The educational level of employees at the zemstvo courts of the Northern governorates of Russia in 1850⁵¹

Governorate	Home education		Lower education (completed, incomplete,)		Secondary education (incomplete)		Secondary education (completed)		Higher education (completed, incomplete)		Total	
	Persons	%	Persons	%	Persons	%	Persons	%	Persons	%	Persons	%
Arkhangelsk	14	28,6	16	32,6	14	28,9	5	10,2	0	0,0	49	100
Vologda	7	7,2	50	51,6	29	29,9	8	8,2	3	3,1	97	100
Olonets	18	29,5	27	44,3	11	18,0	3	4,9	2	3,3	61	100

Conclusion

Summing up, we shall note that in the period under research, the organization of the police service under the harsh conditions of the vast territorial governorates of the European North was not an easy task. In the first third of the 19th century, the zemstvo courts, the composition and the formation of which were determined by the staffing charts made at the beginning of the century and corresponded to the ‘Constitution for the Administration of the Governorates of the Russian Empire’ of 1775, were clearly understaffed. The problem was not so much about the lack of the qualified personnel, but rather about the actual absence of those who would wish to serve in the remote Northern governorates. At the beginning of the century, the total number of the uyezd police officers amounted to just over 200 people, whilst the staff positions were often vacant, and young children worked in the police offices for a meagre salary. The reform of 1837 intended to increase the available resources of the police, as well as the activities initiated by the central government in the second quarter of the 19th century to attract employees from other provinces, significantly improved the problem of staffing. The conducted research reflected the positive changes in the composition of the uyezd police, indicating the growing professionalization of its

⁵¹ Compiled based on: RGIA f. 1349, op. 5, d. 149, 6972, 7771.

personnel. By the middle of the century, the total number of attendants at the zemstvo courts in the region under research had almost doubled. However, it should be acknowledged that it was still incompatible with the amount of the work they had to do. In addition, the problems with the staffing of the offices remained unsolved (to a certain extent, this was because strict admission rules were introduced in accordance with the class principle and age limits).

Литература

Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с «Учреждения о губерниях» 1775 г. до последнего времени. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1872. [2], VI, IV, [2], 238 с.

Благовещенский И. Образование Олонецкой губернии, управление ею за столетие (1802–1902) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск: Губернская типография, 1902. С. 185–218.

Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Три века российской полиции: служение обществу – защита Отечеству! М.: РИПОЛ классик, 2016. 605 с.

Борисов А.В. Полиция самодержавной России в первой четверти XIX в.: дис. ... канд. юрид. наук. Академия МВД СССР, 1982. 206 с.

Главинская С.Н. Организация и деятельность полиции Черноземного центра России в 1901–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курский государственный университет, 2006. 26 с.

Горлова Н.И. Полиция российской провинции в XIX веке: На примере Курской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курский государственный университет, 2005. 26 с.

Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. 3: Органы местного управления. Ч. 1: Введение. Исторический очерк местных учреждений в России. Учреждения правительственные и дворянские. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1883. VII, 384 с.

Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М.: Мысль, 1981. 252 с.

Ефимова В.В. Генерал-губернатор С.И. Милицкий и кадровый вопрос в Олонецкой губернии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 7 (136). Т. 2. С. 104–109.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М.: Мысль, 1978. 288 с.

Иванов В.А. Социальный состав местного звена аппарата управления России середины XIX века как отражение политики правительства в области формирования чиновничества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2009. № 1 (56). Вып. 9. С. 73–79.

Исторические материалы о дворянах Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 год. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1907. С. 243–258.

Кокшаров Л.В. Полицейские органы Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. Ивановский государственный университет, 1999. 28 с.

Лазарева О.В. Провинциальная полиция в конце XVIII – начале XX в. (по материалам Пензенской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2000. 24 с.

Министерство внутренних дел России: страницы истории (1802–2002 гг.) / под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет»: МВД России; Санкт-Петербургский университет, 2001. 607 с.

Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982. 207 с.

Отто Н.К. Вологодская дирекция училищ до 1850 г. СПб., 1866. 198 с.

Пайнс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2012. 478 с.

Пиотровский В. Полиция Российской Империи. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2005. 271 с.

Плех О.А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Институт российской истории РАН, 2016. 400 с.

Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995. 318 с.

Романов В.В. Политическая полиция в Поволжье в 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова–Ленина, 1992. 23 с.

Сысуев Ю.Б. Полиция Симбирской губернии во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Научно-исследовательский институт Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2002. 18 с.

Тарасов И.Т. Полиция в эпоху реформ. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1885. 160, III с.

Том Ю.В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. СПб.: Образование – Культура, 2002. 616 с.

LeDonne J.P. Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1991. XVII, 376 p.

Lincoln W.B. Nicholas I: Emperor and Autocrat of All the Russias. Bloomington: Indiana University Press, 1978. 424 p.

Monas S. The Third Section: Police and Society in Russia under Nicholas I. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1961. VIII, 354 p.

Orlovsky D.T. The Limits of Reform. The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia 1801–1881. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1981. VIII, 299 p.

Pipes, R. Russia under the Old Regime. London: Penguin Books, 1995. 361 p.

Pintner W.M. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 // Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th century. Chapel Hill, North Carolina: University of North Carolina Press, 1980. P. 190–226.

Raeff M. Imperial Russia. 1682–1825. The Corning Age of Modern Russia. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1971. XI, 176 p.

Saunders D. Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881. London; N.Y.: Longman, 1994. XII, 386 p.

Seton-Watson H. The Russian Empire, 1801–1917. Oxford: Clarendon Press, 2004. XX, 813 p.

Starr S.F. Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1972. XIII, 386 p.

Yaney G.L. The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana, Illinois: University of Illinois Press, 1973. 324 p.

References

Anuchin, E. *Istoricheskii obzor razvitiya administrativno-politseiskikh uchrezhdenii v Rossii s 'Uchrezhdeniya o guberniyakh' 1775 g. do poslednego vremeni* [Historical review of the development of administrative and police institutions in Russia since 'The Constitution for the Administration of the Governorates' of 1775 and until recently]. St Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1872. [2], VI, IV, [2], 238 p. (In Russian).

Blagoveshchensky, I.I. "Obrazovaniye Olonetskoi gubernii, upravlenie eyu za stoletiyе (1802–1902)" [Education in the Olonets Governorate and its management during a hundred of years (1802–1902)]. *Pamyatnaya knizhka Olonetskoi gubernii za 1902 god* [Memorial Book of the Olonets Governorate in 1902], 185–218. Petrozavodsk: Gubernskaya tipografiya, 1902. (In Russian).

Borisov, A.V. *Politsiya samoderzhavnoi Rossii v pervoi chetverti 19 veka* [Police of the autocratic Russia in the first quarter of the 19th century]. PhD diss. Akademiya MVD SSSR, 1982. 206 p. (In Russian).

Borisov, A.V., Malygin, A.Ya, Mulukaev, R.S. *Tri veka rossiiskoi politsii: sluzhenie obshchestvu – zashchita Otechestvu!* [Three centuries of the Russian police: Serving the society is the defense of the Fatherland!] Moscow: RIPOL klassik, 2016. 605 p. (In Russian).

Efimova, V.V. "General-gubernator S.I. Minitskii i kadrovyy vopros v Olonetskoi gubernii" [Governor General S.I. Minitzky and the personnel issues in the Olonets Governorat]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly notes of Petrozavodsk State University]. Series: Social and Humanitarian Sciences, vol. 2, no. 7 (136), (2013): 104–09. (In Russian).

Eroshkin, N.P. *Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty* [The Feudal Autocracy and its Political Institutions]. Moscow: Mysl', 1981. 252 p. (In Russian).

Glavinskaya, S.N. *Organizatsiya i deyatelnost' politsii Chernozemnogo tsentra Rossii v 1901–1917 gg.* [The organization and activities of the police in the Central Black Earth Region of Russia in 1901–1917], PhD thesis. Kursk State University, 2006. 26 p. (In Russian).

Gorlova, N.I. *Politsiya rossiiskoi provintsii v 19 veke: Na primere Kurskoi gubernii* [Police of the Russian province in the 19th century: On the example of the Kursk Governorate], PhD thesis. Kursk State University, 2005. 26 p. (In Russian).

Gradovsky, A.D. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava*. T. 3. Ch. 1 [The Beginning of Russian State Law], vol. 3, part 1. St Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1883. VII, 384 p. (In Russian).

"Istoricheskie materialy o dvoryanakh Olonetskoi gubernii" [Historical materials on the nobles in the Olonets Governorate]. In *Pamyatnaya knizhka Olonetskoi gubernii za 1907 god* [Memorial book of the Olonets Governorate in 1907], 243–58. Petrozavodsk: Olonetskaya gubernskaya tipografiya, 1907 (In Russian).

Ivanov, V.A. "Sotsial'nyi sostav mestnogo zvena apparata upravleniya Rossii serediny 19 veka kak otrazhenie politiki pravitel'stva v oblasti formirovaniya chinovnichestva" [The social composition of the local core of the Russian administrative apparatus of the mid – 19th century as a reflection of the government policy in the field of the officialdom formation], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Bulletin of Belgorod State University]. Series: History. Political science, no. 1(56), issue 9 (2009): 73–79. (In Russian).

Koksharov, L.V. *Politseiskie organy Vladimirskoi gubernii vo vtoroi polovine 19 – nachale 20 veka* [The police institutions of the Vladimir Governorate in the second half of the 19th – early 20th centuries], PhD diss. Ivanovo State University, 1999. 28 p. (In Russian).

Lazareva, O.V. *Provintsial'naya politsiya v kontse 18 – nachale 20 veka (po materialam Penzenskoi gubernii)* [Provincial police in the late 18th – early 20th century (based on the materials of the Penza Governorate)], PhD thesis. N.P. Ogarev Mordovia State University, 2000. 24 p. (In Russian).

LeDonne, J.P. *Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. XVII, 376 p.

Lincoln, W.B. *Nicholas I: Emperor and Autocrat of All the Russias*. Bloomington: Indiana University Press, 1978. 424 p.

Monas, S. *The Third Section: Police and Society in Russia under Nicholas I*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961. VIII, 354 p.

Orlovsky, D.T. *The Limits of Reform. The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia 1801–1881*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1981. VIII, 299 p.

Orzhekhovskiy, I.V. *Samoderzhavie protiv revolyutsionnoi Rossii (1826–1880 gg.)* [Autocracy against Revolutionary Russia (1826–1880)]. Moscow: Mysl', 1982. 207 p. (In Russian).

Otto, N.K. *Vologodskaya direktsiya uchilishch do 1850 g.* [Vologda Directorate of Training Schools until 1850]. St Petersburg, 1866. 198 p. (In Russian).

Pintner, W.M. *The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855. Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th century*. Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1980. P. 190–226.

Piotrovskiy, V. *Politsiya Rossiiskoi Imperii* [Police of the Russian Empire]. Moscow: AST; St Petersburg: Astrel'-Spb, 2005. 271 p. (In Russian).

Pipes, R. *Russia under the Old Regime*. London: Penguin Books, 1995. 361 p.

Plekh, O.A. *Mestnoe upravlenie v Vologodskoi gubernii v pervoi polovine 19 veka* [Local government of the Vologda Governorate in the first half of the 19th century], PhD diss. Institute of the Russian history of RAS, 2016. 400 p. (In Russian).

Politsiya i militsiya Rossii: stranitsy istorii [Police and Militia of Russia: Pages of History]. Moscow: Nauka, 1995. 318 p. (In Russian).

Raeff, M. *Imperial Russia. 1682–1825. The Corning Age of Modern Russia*. New York: Alfred A. Knopf, 1971. XI, 176 p.

Romanov, V.V. *Politicheskaya politsiya v Povolzh'e v 1905–1907 gg.* [Political police in the Volga region in 1905–1907], PhD thesis. Kazan' State University, 1992. 23 p. (In Russian).

Sal'nikov, V.P. (red.) *Ministerstvo vnutrennikh del Rossii: stranitsy istorii (1802–2002)* [Salnikov, V.P. (ed.) Ministry of Internal Affairs of Russia: Pages of history (1802–2002)]. St Petersburg: Fond 'Universitet': MVD Rossii, 2001. 607 p. (In Russian).

Saunders, D. *Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881*. London; New York: Longman, 1994. XII, 386 p.

Seton-Watson, H. *The Russian Empire, 1801–1917*. Oxford: Clarendon Press, 2004. XX, 813 p.

Starr, S.F. *Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1972. XIII, 386 p.

Sysuev, Yu.B. *Politsiya Simbirskoi gubernii vo vtoroi polovine 19 veka* [Police of the Simbirsk Governorate in the second half of the 19th century], PhD thesis. Research institute of the Humanities at the Government of the Republic of Mordovia, 2002. 18 p. (In Russian).

Tarasov, I.T. *Politsiya v epokhu reform* [Police in the Era of Reforms]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K°, 1885. 160, III s. (In Russian).

Tot, Yu.V. *Reforma uezdnoi politzii v pravitel'stvennoi politike Rossii v 19 veke* [The Reform of the Uyezd Police in the Government Policy of Russia in the 19th Century]. St Petersburg: Obrazovanie – Kultura, 2002. 616 p. (In Russian).

Yaney, G.L. *The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1973. 324 p.

Zayonchkovsky, P.A. *Praviteslvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v 19 veke* [The Government Apparatus of the Autocratic Russia in the 19th century]. Moscow: Mysl', 1978. 288 p. (In Russian).